

крыльцо, хотя не горась, и стукнулъ; а баринъ не спалъ, караулилъ съ хозяйкой деньги. Вотъ онъ увидалъ человѣка, на саняхъ стоитъ, онъ съ ружья и грохъ и убилъ человѣка на саняхъ соломеннаго. Вотъ барыни говорятъ баринъ: „убилъ вора ворлыгу“, и побекъ въ село заявлять, чтобы онъ воровать не ходилъ; а воръ ворлыга этомъ часомъ, какъ покули бѣгалъ баринъ туда, вотъ онъ вбекъ въ спальню къ барыни и говоритъ: „убилъ я вора ворлыгу, теперь пусть ень воруетъ“. Вотъ онъ сдѣлавши, что нужно, деньги въ сундучку унесъ и говоритъ: „а теперь пойду, скажу мужикамъ, чтобы вобрали вора ворлыгу куда нибудь“. Вдругъ приходитъ и баринъ отъ мужиковъ и начинается... барыня ево заругала, вотъ онъ и схватился за деньги, а ихъ нѣтъ. Онъ сказалъ: „пусть будетъ воръ ворлыга, а мы будемъ жить безъ денегъ“.

Великолудцкй у. 1870 г.

101. Афинистъ князь.

Жилъ купецъ и купчиха; у нихъ было двое дѣтей—сынъ да дочь; сынъ былъ старше, дочь младше. Отецъ и мать стали умирать; мать наказывала сыну: „сынъ мой, качай свою сестрицу да приговаривай: люли, люли, сестрица, люли, ласточка, вырастешь большая, будешь въ золотѣ ходить, отдамъ тебя замужъ за Аѳиниста князя“.

Когда выросла сестра большая, стала требовать жениха. Братъ ей сказалъ: „сестрица родимая, гдѣ же тебѣ найду я жениха?“—„Гдѣ хочешь, а найди!“ Братъ слезно заплакалъ и отправился въ путь, его застала темная ночь въ лѣсу. Только онъ заснулъ, какъ вдругъ его освѣтило, точно огнемъ. Онъ пробудился, испугался и спросилъ, кто тутъ? Изъ коляски, освѣщенной огнемъ, громкимъ голосомъ сказалъ: „это я, Аѳинистъ князь, котораго ты ищешь; ты хочешь свою сестру отдать за меня замужъ; что же у твоей сестры есть особенное?“ Братъ говоритъ: „что сестра моя, когда заплачетъ, посыплется изъ глазъ жемчугъ; когда засмѣется, изъ рта посыплется золото“. Услыхавши это, князь велѣлъ

ему садиться съ собой въ коляску и приказаль вести себя къ евоной сестрѣ. Когда стали они подъѣзжать къ дому, братъ закричалъ: „сестрица, умойся!“ Сестра не разслышала, что братъ сказалъ и спросила у мамушки, что братъ велить дѣлать ей? Мамушка сказала, что братъ велить умыться. Она умылась. Братъ еще закричалъ: „сестрица, передѣнься“. Она опять не разслышала и спросила у мамушки; мамушка сказала, что братъ велить ей раздѣться. Она раздѣлась. Братъ еще закричалъ: „сестрица, выходи, жениха принимай!“ А мамушка сказала ей, что братъ велить ей растворить окно и кинуться въ рѣку. Тогда мамушка нарядила свою дочку въ ея платье и велѣла встрѣчать князя-жениха. Когда дочка ея вышла, улыбнулась, не посыпалось изо рта ничего; братъ ударилъ ее въ щеку, она заплакала, изъ глазъ не посыпалось тоже ничего. Тогда князь разсердился и посадилъ за обманъ брата въ темницу. Когда пришла ночь, сестра приходитъ въ темницу и начала плакать: „ахъ, лари вы, мои лари, позолоченные, не мнѣ вы достаетесь, достаетесь мамушкѣ да нянюшкѣ“, а у самой изъ глазъ такъ и сыплется жемчугъ. Братъ ее узналъ, она рассказала, что мамушка съ ней сдѣлала, и обѣщала брату еще его провѣдать въ слѣдующую ночь. Пришла другая ночь, сестра опять приходитъ къ брату и также плачетъ. Братъ рассказалъ, за что онъ сидитъ въ темницѣ, и просилъ ее выручить его изъ темницы. Она сказала, что „приду еще въ послѣдній разъ и если хочешь, чтобы я у Васъ осталась, накинъ на меня крестъ, читай книги и служи молебны“. Передъ третьей ночью приходитъ въ темницу князь и говоритъ: „не пеняй на меня, любезный, я за то посадилъ тебя въ темницу, что ты меня обманулъ“. Братъ рассказалъ князю, какъ мамушка обманула его сестру и что теперь жена его—не его сестра. „Мамушка подставила свою дочку, а сестрѣ моей велѣла кинуться въ рѣку, и она была у меня ночью два раза и сегодня придетъ ночью въ послѣдній разъ. Если хочешь, ее увидишь, и чтобы она вамъ досталась, то придите севодишнюю ночь и спрячьтесь въ темницѣ“. Князь пришелъ и спрятался за кровать. Вдругъ ночью идетъ сестра и плачетъ по прежнему, а изъ глазъ такъ и сыплется жемчугъ; потомъ стала говорить съ братомъ и разсмѣялась—изо рта посыпалось золото. Князь не вытерпѣлъ,

выскочилъ прямо къ ней; она хотѣла убѣжать, но братъ схватилъ ее въ охапку и накинулъ на нее крестъ, а князь сталъ книги читать и велѣлъ момебны служить. Она стала превращаться въ разные твари; но братъ всячески ее удерживалъ; наконецъ, она стала такою, какъ была прежде. Князь на ней оженился; а мамушку и ея дочку велѣлъ разорвать на конскихъ хвостахъ.

Опочецкій у. Зап. отъ Велейскаго писаря Авечкина.

102. [Людодѣдка].

Жила баба, у бабы была дочка, дочку выдала замужъ, дочка не была въ матки годъ и два; на третій идетъ въ гости къ матки, на встрѣчу бѣжитъ заяцъ: „молодуха, молодуха, куда ты идешь“, спрашивалъ заяцъ. Она отвѣчаетъ: „къ матки въ гости“. Заяцъ говоритъ: „не ходи, молодуха, matka—злая баба: тебя съестъ“, а она ему сказала: „у-ту, заяцъ косою, не лги“, и пошла дальше. Попадается лисица, также спрашиваетъ, а молодуха отвѣчая: „у-ту, илгешъ, лисица, долгой хвостъ“. Попадается ей волкъ, и волкъ также спрашивая, а молодуха отвѣчая: „у-ту, волкъ, апаленый бокъ“. Дальше пошла; попадается медвѣдь, и тотъ также спрашиваетъ, а молодуха говоритъ ему: „у-ту, илгешъ!“ Пришла къ матки на улицу, по улицѣ костры, кострамъ (такъ!) все кости человѣческіе лежатъ, по тыну головы человѣчьи торчатъ; она и думая, назадъ не уйти тапераца, пришла на крилець, потрухи человѣчьи валяютца, вошла въ сѣни, два дащана съ кровью стоятъ, поглядѣла въ дверь, matka истъ людене-ночка. Она спугалась и вошла въ избу. Matka сказала: „ну, здрастуй, дацушка, что долго въ гости ко мнѣ не ходишь?“ Она баила: „матунька, я тебя боюсь“.—„Цавожъ ты, доцунька, боишься“.—„Да вотъ, матунька, въ тебя кастры, все кости цаловѣцки“.—„У-ту, дацунька, это въ меня дровы межоно-выя“.—„Да вотъ, матунька, на тыну все головы человѣчьи“.—„У-ту, доцушка, это столбы таценые“.—„А на крыльцѣ все потрухы человѣческіе валяются“.—„У-ту, доцушка, это въ